

ПЕРСИДСКИЕ ТЕМЫ И МОТИВЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Исследуется история появления персидских тем и мотивов в русской литературе первой половины XIX в. Определены основные тенденции и направления литературных взаимосвязей на основе анализа творчества выдающихся русских писателей и поэтов (А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского и др.).

The article investigates Persian ideas and motives diffusion in the Russian literature of the first half of the XIX century that provided an impetus for the further intercultural relations development on a vast scale, broadening the limits of the cultural strata. The retrospective analysis of the Persian influence revealed some general tendencies and directions of the literary interrelation by analysing the creative work of prominent Russian writers and poets (A.S. Pushkin, A.S. Gribojedov, M.Y. Lermontov, V.A. Zhukovsky, etc.).

Многие, так же как и я, посещали сей фонтан;
но иных уже нет, другие странствуют далече.
Саади. Газель

Великая персидская литература благодаря лаконичности, глубине философской мысли, яркости образов и музыкальности поэтического слога на протяжении всей своей истории оказывала огромное влияние на всю мировую литературу, и в особенности на русскую. Изучать ту или иную культуру, как нам представляется, естественно и логично в ракурсе проблемы межнационального диалога.

К сожалению, тема взаимовлияния персидской и русской литератур XIX в. недостаточно изучена. Разумеется, есть немало научных работ (Д.Д. Благого, И.С. Брагинского, В.В. Виноградова,

Б.В. Томашевского, Н.В. Измайлова, Ю.М. Лотмана, Б.С. Мейлаха, Ю.Н. Тынянова, Н.И. Черняева и др.), в которых рассматривается «восточный колорит» в произведениях русских писателей и поэтов. Но вопрос о причинах возникновения такого сильного интереса к восточной литературе в России именно в начале XIX в. и о детальном изучении этих источников, в сущности, не был поставлен. Важно, что сопоставление персидской и русской культур и литератур открывает перспективы для дальнейших изысканий в этой области.

Всемирная история долгие тысячелетия развивалась в условиях антагонистического противостояния Запада и Востока, их цивилизаций и общественных устройств. Идеологи различных социальных слоев утверждали, что преодоление этого раскола мировой цивилизации невозможно.

Авиценна и Руставели, Гердер и Гете, Грибоедов и Пушкин, а также другие передовые мыслители-гуманисты не могли смириться с этим расколом, упорно искали способы его преодоления, пути синтеза опыта, идей, традиций, достижений Запада и Востока. Однако все это ограничивалось лишь заимствованием образцов культурного творчества, сама же проблема взаимоотношений двух цивилизаций оставалась нерешенной.

В начале XIX в. благодаря появлению многочисленных публикаций восточной поэзии в России русские писатели и литературоведы стали открывать Восток для себя по-новому. Здесь стоит отметить книгу профессора И.К. Кайданова (1782–1843) «Руководство к познанию всеобщей политической истории» (1821), где описывается географическое положение и внутреннее состояние древней Персии во время царствования Кира

Великого и после него, а также Д.П. Ознобишина (1804–1877) – первого составителя персидско-русского словаря, который пользовался широкой известностью. Помимо этого Ознобишин первый перевел с подлинника поэзию иранских классиков – Хафиза, Саади, Фирдоуси. Его труды активно печатались в известных журналах и альманахах: «Московский вестник», «Вестник Европы», «Соревнователь», «Сын отечества», «Русский зритель», «Галатей», «Северные цветы», «Северная лира», «Альбом северных муз».

В.К. Кюхельбекер в своей программной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) заявил, что изучение восточной поэзии необходимо для развития русской литературы не менее, чем усвоение западной: «При основательнейших признаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фирдоуси, Гафиз, Саади, Джами ждут русских читателей» (Кюхельбекер 1979, 458).

Мысль о необходимости широкого культурного синтеза, в процессе которого происходило бы взаимообогащение таких противоположных и вместе с тем очень похожих по своей сути культур, как русская и восточная, не была достоянием одного Кюхельбекера. Самый живой интерес к ней проявил и Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837).

Восточная поэзия производила на русских поэтов впечатление двоякое, но одинаково восторженное: некоторые были поклонниками восточной любовной лирики Саади, Хайяма, Руми, потрясающей страстью; другие же предпочитали политические газели Хафиза, призывающие к свободе. В следующих строках стихотворения Саади (ок. 1203–1291) наглядно воплощена идея любовной страсти, столь характерная для лирики Востока: *Коль умер человек у жилища любимой – не странно, // Странно, если он все же не умрет, если жизнь он свою сохранит* (пер. К. Липскерова) (Восточная лирика 1969 III, 216).

Аналогичный мотив мы находим и у Пушкина в стихотворении «Желание» (1816): *Мне дорого любви моей мученье – // Пускай умру, но пусть умру любя!* (Пушкин).

Персидской любовной лирике свойственны мотивы сада, ночи, «восточного соловья». Пушкин в стихотворении «Соловей и роза» (1827), как Саади и Хафиз, описывает встречу влюбленных в саду, именно весной, когда поэт, окруженный безмолвием, поет для розы, признается в любви: *В безмолвии садов, весной, во мгле ночей, // Поет над розою восточный соловей* (Пушкин).

Да и поэты Г.Р. Державин, А.А. Фет находили вдохновение в пении соловья. Подражания восточной любовной лирике получили широкое рас-

пространение в русской поэзии первой половины XIX в. Достаточно вспомнить «Персидский вечер» П.Г. Ободовского (1826), «Вечер в Тавриде» Е.П. Зайцевского (1827), «Иран» Л.А. Якубовича (1831) и др.

Русская классическая литература начала XIX в. создавала высокие образцы для подражания, воспевала героические подвиги, изображала трагические конфликты личного чувства с государственным долгом и победу последнего. Основным содержанием литературы романтизма 1810–1820 гг., представлявшей чувства и идеи наиболее культурной части дворянской молодежи, было (независимо от тех или иных его разновидностей) выражение непримиримого конфликта между действительностью и интересами личности, заявление неограниченного права личности на свободную самодеятельность и в то же время сознание трагической невозможности осуществления этой свободы. Об этом ясно и отчетливо говорит то смелое сравнение, которым А.С. Пушкин выразил силу и непосредственность своей мечты о свободе отчизны в стихах к Чаадаеву: *Мы ждем с томленьем упованья // Минуты вольности святой, // Как ждет любовник молодой // Минуты верного свиданья* (Пушкин).

Общее разочарование в жизни, нарастание горько-скептического, озлобленного, «цинического», по выражению самого Пушкина, отношения ко всему окружающему и к самому себе звучит в ряде стихотворений и стихотворных набросков этого времени (1823–1824 гг.).

Здесь можно провести аналогию с идеей освобождения народа от угнетения и насилия в творчестве великого философа и поэта Персии Шамсиддина Мухаммеда (1325–1390), известного под псевдонимом Хафиз. Только истина, по мнению поэта, дает человеку полноценную свободу. Так, Хафиз критикует стремление к покорности и примирению с действительностью, призывает к свободе: *Проповедники блистают благочестьем в божьем храме, // А тайком совсем другими занимаются делами. // У мудрейшего спросил я: «От чего святоши эти, // Призывая к покаянью, каются так редко сами? // Неужели словоблуды, угрожая страшной карой, // Сами в судный день не верят и лукавят с небесами?»* (пер. Г. Плисецкого) (Восточная лирика 1969 III, 363).

Пушкина интересовала не только светская восточная поэзия, но также древняя мифология и религия мусульман. Цикл «Подражания Корану» свидетельствует о хорошем знакомстве Пушкина с мусульманской культурой: *...О жены чистые пророка, // От всех вы жен отличены: // Страшна для вас и тень порока. // Под сладкой сенью тишины // Живите скромно: вам пристало // Безбрачной девы покрывало...* (Пушкин).

Здесь мы видим результат сочетания иудео-христианской и мусульманской культурных традиций. При этом религиозные проблемы Пушки-

на не занимают: в Коране он видит памятник поэзии. Литературная практика таких персидских поэтов, как, например, Хафиз, сопоставима с пушкинской: в лирике Хафиза не только обсуждаются различные трактовки учения Христа, но и предпринимаются попытки сопоставить его с пророком Мухаммедом.

В знаменитой оде «Пророк» (1826) Пушкин пользовался образами, взятыми из библейской мифологии: вместо поэта – пророк (в образе которого может прочитываться сам Мухаммед); вместо Аполлона – библейский бог, вместо музыки – посланник бога, «шестикрылый серафим» (см. Бонди 1978, 145). 94-я сура Корана начинается стихом: *Разве мы не раскрыли тебе твою грудь?* – и далее приводится новая формула очищения грехов: *и не сняли с тебя твою ношу...* (Путь к Рамадану 1999, 596).

Герой этой легенды Мухаммед рассказывал: «Однажды, когда я играл со своими ровесниками, подошли ко мне трое мужчин... один из них вынул мое сердце... вдруг я заметил в его руке перстень, излучающий свет, который ослеплял взирающего до потери сознания. Затем этим перстнем опечата- л мое сердце, в результате сердце мое наполнилось пророческой зарей и мудростью» (Большая исламская энциклопедия 1991 II, 296). Ветхозаветная пророческая книга соотносится с Кораном. А вот строки из оды Пушкина «Пророк»: *И он мне грудь рассек мечом, // И сердце трепетное вынул, // И уголь, пылающий огнем, // Во грудь от- верстную водвинул* (Пушкин).

Важным для своего времени источником сведений о персидской литературе был журнал «Вестник Европы», в котором регулярно печатались материалы не только о литературе, но и о религии, этике, эстетике и культуре Востока. В январе 1811 г. «Вестник» опубликовал статью под названием «Мысли о заведении в России Академии Азиатской», о зороастрийской философии. Позже в этом журнале были напечатаны отрывки из таких произведений, как «Гулистан» Саади (см. Вестник Европы 1815, № 9, 28–38), сатира Фирдоуси на Махмуда и отрывки из поэмы «Шахнаме» (см. Вестник Европы 1815, № 10, 2–9), три газели Хафиза и множество переводов с французского статей А. Журдена (1788–1818) о Персии. Можно предположить реакцию русских поэтов-романтиков на «Гулистан» (1258) Саади – произведение, написанное ритмизированной прозой: и стихами, в которых поэт говорит о душевной красоте человека: *Я помню, некогда ве- чером // любимый друг мой вошел в мою дверь. // Я так внезапно кинулся к нему навстречу, // что рукавом погасил светильник. // Пришел под ве- чер гость и сумрак разогнал, // И подивился я блаженству своему.* – Он сел и меня попрекнул: «Зачем погасил ты светильник, когда увидел меня?» – Я ответил: «Я думал, что солнце взошло» (Восточная лирика 1969 III, 218).

В «Вестнике Европы» за 1825–1826 г. печатались переводы известного поэта Нуриддина Абдуррахмана Джамии (1414–1492) (см. Вестник Европы 1826, № 21, 61–67). Вершиной его творчества является «Книга мудрости Искандера», где воплощена идея социальной утопии, которая до- вольно часто встречается у персидских поэтов различных исторических периодов. Так, уже в древности, в Шумерской поэме «Гильгамеш» прослеживаются попытки изобразить идеальный тип общественного порядка. Даже в «Авесте» (священный свод зороастрийской религии, 1-я пол. 1-го тыс. до н. э.) говорится об утопической стране, где нет ни мороза, ни жары, где нет смерти и зависти, порожденной «дэвами». Искандер, главный герой поэмы Джамии, достиг нравственного совершенства: *То город был особенных людей. // Там не было ни шаха, ни князей, // Ни богачей, ни бедных. Все равны, // Как братья были люди той страны. // ...Шах молвил: // «Как можно жить без власти? Не пойму» // И граждане от- ветили ему: // «Нет беззаконий среди людей страны! // Нам ни тиран, ни деспот не нужны»* (пер. В. Державина) (Джами 1974 XXI, 218).

Здесь можно провести параллель с витавшими в воздухе Европы и России идеями утопического социально-политического государственного строя, ярко отразившимися в произведениях многих великих русских поэтов и писателей, обличавших существующий социальный строй того времени (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, А.С. Грибоедов и др.).

На русскую литературу сильно повлиял сборник «Тысяча и одна ночь», отразивший мифологические представления народов Востока, вышедший в Париже в 1704 г. в переводе А. Галлана (см. Les Mille et une Nuits 1704–1717). Например, у А.С. Пушкина мотивы этих знаменитых персидских сказок прослеживаются в таких произведениях, как «Сказка о золотом петушке», «Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила», «Гарем».

В 1829 г. во время поездки на Кавказ А.С. Пушкин познакомился с известным иранским поэтом Фазель-ханом Гарруси (1783–1852), который входил в состав искупительной иранской миссии, направлявшейся в Россию в связи с убийством А.С. Грибоедова. Как и все поэты того времени, Фазель-хан сочинял традиционные газели, в которых герой восхваляет возлюбленную, страдает и проливает слезы, моля о снисхожде- нии. Но он писал также стихотворения, в которых жаловался на превратности судьбы, на огорче- ния и обиды, проповедовал науку, знания и спра- ведливость. После встречи Пушкин посвятил стихотворение Фазель-хану, где упоминаются имена Саади и Хафиза: *Благословен твой под- виг новый, // Твой путь на север наш суро- вый, // Где кратко царствует весна, // Но где Гафиза и Саади // Знакомы.....имена. // Ты*

посетишь наш край полночный, // Оставь же след..... // Цветы фантазии восточной // Рассыпь на северных снегах (1829) (Пушкин).

Кстати, считается, что именно под влиянием творчества Саади Пушкин изменил название и в качестве эпиграфа использовал строки персидского поэта: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече» (Рак 2004, 76).

Абулькасим Фирдоуси (р. 934 или 941 – ум. ок. 1020 г.) – великий эпический поэт, известнейший литератор, произведения которого являются предметом величайшей национальной гордости Ирана, говорил о том, что своими стихами создал себе «вечный дворец». Пушкин в известном «Памятнике», написанном за год до смерти, подводит итог своей поэтической жизни и также предсказывает себе будущую широкую известность: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный, // К нему не зарастет народная тропа, // Вознесся выше он главою непокорной // Александрийского столпа...* (Пушкин).

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) под влиянием А.С. Пушкина и после пребывания на Кавказе, вдохновленный философией и колоритом восточной природы, пишет множество стихотворений, посвященных Востоку. Так, стихотворение «Три пальмы», датированное 1832 г., потрясает красотой восприятия восточной природы и, по словам В.Г. Белинского, относится к тем стихотворениям, где «личность поэта исчезает за роскошными видениями явлений жизни. Пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок сливаются в этой пьесе поэзию с живописью: это картина Брюллова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее» (Белинский 1956 IV, 534): *«...На то ль мы родились, чтоб здесь увядать? // Без пользы в пустыне росли и цвели мы, // Колеблемы вихрем и зноем палимы, // Ничей благосклонный не радуя взор?.. // Не прав твой, о небо, святой приговор!»* (Лермонтов 1954 II, 256).

В 1837 г. Лермонтов пишет сказку об Ашик-Керибе («Ашик-Кериб»), стремясь передать колорит восточной речи и психологию «турецкого» сказателя. Из фольклорной стихии вырастает народный характер с чертами этнической определенности.

В 1820–1830-х гг. культурная элита Петербурга – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.А. Крылов часто собиралась у Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) – талантливого поэта и переводчика. Жуковский был активным сотрудником пушкинского «Современника», а также редактором журнала «Вестник Европы». Он часто переводил и комментировал не только произведения современных европейских писателей, но и, начиная с 1830-х гг., большие эпические поэмы – «Одиссею» Гомера, индийскую «Наль и Дамаянти», а также персидские «Рустем и Зораб», «Шах-

наме». В.А. Жуковскому очень близки и понятны переживания восточных поэтов, связанные с неразрешимыми противоречиями бытия, определением духовной ценности человеческой личности. Например, в стихах Фирдоуси: *Не знал Кабад, как выбраться из мрака, // Услышал он добро в словах Маздака. // Он вопрошал – и получил ответ, // В душе Маздака он увидел свет. // С того пути, которым шли пророки, // Цари, вожди, мобедов круг высокий, // Свернул, Маздаку вняв, отважный шах, // Узнал он правды блеск в его речах!* (пер. В. Левика) (Фирдоуси 1984, 252).

В творчестве Жуковского проявляется также тенденция к демократизации идей. Так, стихотворение «К поэзии» (1804) содержит призыв к патриотическим подвигам, содействию счастью «бедных тружеников», обрушивается гром на «жестоких и развратных, дерзающих величать себя полубогами» и попирающих «невинность, доблести и честь». Поэт все больше проникается верой в возможность просвещенно-облагороженного, добродетельного самодержавия («Цвет завета»). Культ чувства, в большой мере присущий восточной поэзии, рождает в поэзии Жуковского чувствительно-созерцательный, подчеркнута эмоциональный и индивидуальный стиль словесно-образительных средств. Такие известные стихи и баллады Жуковского, как «Моя богиня», «Эолова арфа», «Светлана», содержат характерные для Востока темы смысла человеческой жизни, взаимоотношений его с окружающим миром, заключенные в форму гибкого, многозначного, многоцветного поэтического языка. Часто его произведения – искусственно организованный поток чувств и мыслей человека. Переводческая деятельность поэта, которая расширяла литературный и культурный горизонт его соотечественников, не может не вызывать восхищения.

С расцветом русского просвещения процесс формирования активного диалога восточной и западной культур вызвал живейший интерес, а также стал предметом мучительных размышлений в кругах передовой русской интеллигенции. Идеалистически определял проблему Запада и Востока П.Я. Чаадаев (1794–1856) в первом «Философическом письме»: «Где наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь мыслит? А ведь стоя между главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба начала духовной природы» (Чаадаев 1991 II, 74).

Принципиально новый в истории русской общественной мысли подход к проблеме Востока и Запада был отражен в творчестве Александра Сергеевича Грибоедова (1795–1829). Дипломат, историк, музыкант и писатель А.С. Грибоедов синтетическим охватом социальных явлений сумел опередить свой век, определить перспективу

формирования общечеловеческой культуры. А практической деятельностью он содействовал реализации движения к западно-восточному культурному единству. Это стало возможным на основе глубокого знакомства с Востоком во время его нахождения в Персии с дипломатической миссией.

А.С. Грибоедов жадно впитывает культурное наследие Востока. Здесь рождаются замыслы многих его произведений, главная направленность которых – синтез, взаимное обогащение культур Востока и Запада: Русь и половцы должны стать в центре поэтического произведения «Серчак и Итляр»; судьба несчастного царя Митридата воскреснет в «Радамасте и Зенобии»; на берегах Риона разворачиваются события поэмы «Кальянчи»: *...Когда ж чарующей наружностью своей // Собрание ты осветишь людей, – // Во всех любовь!.. Дервиш отбросил четки, // Примрачный вид на радость обменял: // Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?* (Грибоедов 1988, 331–332).

Рождение замысла комедии «Горе от ума» не случайно связано с Востоком. Здесь Грибоедов увидел не только прекрасные картины, которые отразил в своих стихах. Перед ним раскрылись ужасные черты азиатского деспотизма, гнета и тирании, его поразила «лестница слепого рабства и слепой власти». Через призму этих впечатлений он яснее осознал деспотическую сущность крепостнической России, страны Фамусовых, Скалозубов и Молчалиных.

В своей гениальной комедии Грибоедов делает исторически важный вывод относительно проблемы Востока и Запада: нельзя ограничиться лишь взаимным ознакомлением и обменом культурными ценностями; необходимо преодолеть то реакционное, консервативное, что имеется в каждой культуре, и только на этой основе осуществлять их синтез. Отсюда провозглашенная Грибоедовым борьба на два фронта: против восточного, крепостнического деспотизма и против фамусовского преклонения перед Западом, против пустого, рабского, слепого подражания, чужевластия французской моды, английских клубов, немецких речей.

Подводя итог, можно отметить, что персидские темы и мотивы в русской литературе первой половины XIX в. стали отправной точкой в развитии межкультурных связей и отношений, становлении их на качественно новый уровень, образующий основу для взаимосвязи и взаимообогащения культур внутри художественного пространства. «Персидские мотивы» являются своего рода феноменом в истории русской поэзии и важным этапом в развитии русско-персидских литературных связей. Благодаря творчеству А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского поэтическая слава персидской литературы стала прочной.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 4. С. 534.
- Бонди С.М. О Пушкине: статьи и исследования, рождение реализма в творчестве Пушкина. М., 1978. С. 145.
- Большая исламская энциклопедия (Да'ират ал-ма'ариф-и бузург-и ислами): В 4 т. Тегеран, 1991. Т. 2. С. 296. Пер. А. Тамимдари.
- Вестник Европы. 1815. № 9.
- Вестник Европы. 1815. № 10.
- Вестник Европы. 1826. № 21.
- Восточная лирика: Сб.: В 5 т. СПб., 1969. Т. 3.
- Грибоедов А.С. Собр. соч. М., 1988.
- Джами. Книга мудрости Искандера / Пер. с фарси В. Державина. Ирано-таджикская поэзия: В 21 т. М., 1974. Т. 21.
- Кюхельбекер В.К. Путешествие; Дневник; Статьи. Л., 1979. С. 458.
- Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1954.
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 1, 2.
- Путь к Рамадану // Благословенный Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. Багдад, 1999.
- Рак В.Д. Саади // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 76.
- Фирдоуси. Шах-наме: В 5 т. Т. 5. От начала царствования Искандера до начала царствования Йездегерда, сына Бахрама Гура / Пер. Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Березнева. М., 1984.
- Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 74.
- Les Mille et une Nuits / Trad. de arabe par A. Galland, 12 vls. Paris, 1704–1717.

Поступила в редакцию 19.11.09.

Халед Ховзи Абдул Амир – аспирант кафедры славянской литературы. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И.А. Чарота.